

С. НАГОРНЫЙ ИСКАЖЕННЫЕ ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО

В феврале 1904 года, в самом начале русско-японской войны, после неравного герцогского боя с вражеской эскадрой, были потоплены собственными коммандами два корабля русского флота — крейсер «Бария» и канонерка «Кореец». Это произошло у берегов Кореи, в бухте Чемульпо и невзлюбе от ее ряда. На глазах у английских, французских, итальянских, американских военных моряков, чьи корабли стояли тут же, водах «нейтральной» Кореи. С той поры имя корабля — «Бария» — стало для нас синонимом чести и мужества. Об этом поется песня, которая пережила десятилетия и, надо думать, надолго еще сохранилась в народной памяти.

А теперь вышла книга «Бария». Это роман, довольно обемистый (339 стр.), многословный, щедро разукрашенный пошлыми сентенциями и стилистическими гирляндами, в общем сильно смягчающий на тот итальянский катер, о котором сказано в книге, что на нем «было слишком много бронзы, притом не строгой, деловой, обящей необходимость, а безделучиной, с головками, крыльями амуров, купидонов, с искаженными буке-тами роз и прихотливыми завитками хитро-заплетенных гирлянд».

Мы не собираемся разбирать книги А. Сергеева со стороны формальных ее качеств. В «Литгазете» (№ 31) была напечатана рецензия Бор. Соловьева, в которой отмечались погрешности стиля, но воздвигалась должное теме, чем и склоняла баланс: «Бария», по мнению автора рецензии, — полезная и интересная хроника исторических событий... С этим согласиться нельзя. Остановимся на содержании книги.

По определению одного из героев романа, Руднева, гибель «Бария» — «искунительная жертва, нужная для понимания прошлого и для поучения на будущее». Позволительно спросить, какое же понимание прошлого нашей родины, какое учение на будущее вынесет читатель этого романа?

Ленин писал в 1904 году: «...Война разбирает все слабые стороны правительства, война срывает фальшивые вывески, война раскрывает внутреннюю гнилость, война доводит нелепость царского самодержавия до того, что она свет в глаза всем и каждому, война показывает всем агонию старой России...». Русско-японская война не просто хронологически предшествовала революции, она значительно ускорила ее.

«Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению», — писал Ленин. Книга об этой войне должна будить в читателе гнев и презрение к правящим классам старой России, бросившим в огонь войны, ради удовлетворения своей азотности, сотни тысяч рабочих и крестьян. И эта книга должна укреплять любовь к нашей социалистической родине, которая так сильна теперь, как никогда не была сильна Россия в прошлом.

Но роман А. Сергеева не отвечает этим естественным требованиям.

Разговоров, осуждающих царское правительство, слово о будущей революции в книге довольно много. Но «сознательность» некоторых действующих лиц порой доведена до потери всякой исторической достоверности.

Одним из главных герлов романа является мичман Падалко. Платенный патрот, он честно и самоотверженно выполняет свой долг воина. Какие же мысли в чувствах приписывает ему автор романа? «Бария», но следит ли из этого, что можно прописывать морякам царского флота мысли и чувства наших современников? Не искалечается ли при этом историческая перспектива и не отказываем ли мы, таким образом, нашему времени в его законном, купленном исторической борьбой, преходствии, нам прошлым?..

Нужно ли пояснить, как это все ложно и исторически фальшиво! Мы уважаем и читаем матросов, подобные подлинному «Бария», но следит ли из этого, что можно прописывать морякам царского флота мысли и чувства наших современников?

Не искалечается ли при этом историческая перспектива и не отказываем ли мы, таким образом, нашему времени в его законном, купленном исторической борьбой, преходствии, нам прошлым?..

Однажды мичман Падалко задумался над тем, «как странно и непонятно получается, что вот бывает иногда — матросы сами по себе, а офицеры сами по себе, как будто чужие друг другу люди». Напрасно задумался мичман, не было у него причин для размышлений такого рода! В том-то и дело, что на протяжении всего повествования нет ничего, что говорило бы о действительных, социально обусловленных взаимоотношениях в среде моряков, на против автор рисует картину полного, никак не тревожимого единения так называемой «флотской семьи», где ласково-сторонние отцы-командиры заботливо опекают добродушных братцев-матросиков, где нет ни тени взаимной отчужденности, ни граня подозрительности и недоверия между этими, одетыми в морскую форму, пред-

А. Сергеев. «Бария». Роман. «Советский писатель». 1946 г.

ставителями крестьянства, рабочего класса и дворянства России, уже вполне приблизившейся к революции. Даже у Станюкова, описывавшего времена почты патриархальные, времена парусного флота, мы наблюдаем картину гораздо более реалистичную, чем та, которая развертывается на страницах книги А. Сергеева.

Неверное, противоречивое исторической действительности освещение характера и целей войны, неверное, булыжнический способ изображения флотской среды — вот что характерно для содержания книги «Бария».

* * *

К сожалению, это неизвестное для советского писателя занятие с пропыльным, этот преподчтительный выбор розовой краски при изображении событий истории и бессмертное «сокровищивание» в пропылье современности — явление не единичное. В прошлом году вышла книга исторических новостей и рассказов С. Голубова — «Доблесть». Произведения эти расположены в книге хронологически. От первого вояжа, неверное, булыжнический способ изображения флотской среды — вот что характерно для содержания книги «Бария».

Это литература документальная. Имена героев и факты взяты из боевых дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

Имена героев и факты взяты из боевых

дневников и приказов. Эти солдаты, матросы, офицеры, партизаны завоевали себе

вечную славу, и на их примере воспитывались в русской армии отвага и преданность воинскому долгу.

С Голубовым, якобы, был один из многих, кто в моряках Порт-Артура и, начиная с Николаю Рудневу, «беззастыдно», — как отозвался о нем товарищ Сталин, — воину коммунизма.

Это литература документальная.

„Белый Клык“ на экране

«Белый Клык» — произведение, как известно, наиболее характерное для так называемого анималистического цикла рассказов Джека Лондона, в которых с особенной отчетливостью выступает «биологизм» американского писателя, его излюбленная тенденция к утверждению той мысли, что в человеческом обществе царят, по сути дела, те же законы, что и в животном мире.

Собака-волк, прозванная Белым Клыком, на своем личном опыте жизни в лесу, среди зверей, а затем в общении с людьми убеждается в том, что побеждают, выживают всегда сильные и беспощадные существа: что вследствие господствует право силы, хотя иногда эта сила выражается не в грубой и откровенной форме. Белый Клык не только потому привлекается к горному инженеру Уидону Скотту, что последний вырвал его из рук садиста Красавчика Смита, но и потому, что, стало быть, Скотт сильнее, если попала остаться за него.

Сильнейший всегда в воображении Белого Клыка — «бог». Раньше «богом» был индейец Серый Бобр, ибо он сумел подчинить себе собаку.

Но вот «форте Ююн Белый Клык» впервые увидел белых людей. Рядом с индейцами они казались ему существами другой породы — богами, власть которых опиралась на еще большее могущество... Власть их простиралась дальше власти прежних богов, среди которых самым могущественным существом был бы Серый Бобр. Но и Серый Бобр казался ничтожеством по сравнению с белокожими «богами».

Так, сквозь апоглию силы, составляющую основной мотив повести, — отграженные «нишсанскими» увлечениями, наложившими печать противоречивости на все творчество Джека Лондона, неизменно простираются элементы утверждения и романтизации расового неравенства.

Пытались экранизировать повесть о Белом Клыке, сценарист и режиссер А. Згуриди, конечно, не учел, что отказавшись от идеи произведения, он должен был отказатьсь и от самого произведения; в противном случае можно создать только нечто художественно выхолощенное, находящееся в кричащем противоречии с самой манерой писателя, нечто лишенное органичности и целостности.

Так и случилось. Фильм «Белый Клык» превратился в некий набор иллюстраций «живых картинок», в которых отсутствуют внутреннее движение, закономерность развития и где механически воспроизводятся некоторые ситуации из повести Джека Лондона.

Исчезли скрупульный ритм произведения, его необычайная драматическая напряженность, строгая обусловленность всех его частей: У Джека Лондона лес, Дальний Север, суровые пейзажи живут, действуют, — они неустранимы: это — первая школа Белого Клыка, здесь в кровавых стоянках с тысячами врагов он закалился, мужает, овладевает той звериной «умудренной» хищницей, которая и предопределила характер всех дальнейших отношений его с миром.

В фильме — лес неизведанный, В нем больше от «Бембии» Линсена, чем от Джека Лондона. Природа и насыщающий ее мир показаны через восприятие волчка в мягких, почти идеалистических тонах. Да и показано это все безотносительно ко всем последующим событиям.

Таким образом, фильм распадается на две вполне самостоятельные части: первая является своего рода научно-популярным этюдом для юных натуралистов, а вторая — развитием тезиса о необходимости «хорошего отношения к собакам». Содержание фильма хочет того режиссер и не хочет, в основном к этому и сводится: жила-была собака, с которой

— Кинобанк «Белый Клык» (по мотивам повести Т. Лондона). Сценарий и постановка А. Згуриди. операторы Г. Троицкий, В. Агуст, Е. Волков. Производство Московской киностудии научно-популярных фильмов.

ПО МАЯКАМ 15 СТРАН

Отряд советских боевых кораблей совершил недавно большой переход из Балтики в Черное море. В этом переходе вокруг Европы принял участие писатель Лев Кассиль и Сергей Михалков. На днях в Московском клубе писателей состоялся вечер, на котором Л. Кассиль и С. Михалков поделились своими впечатлениями от путешествия.

С интересом был выслушан рассказ Л. Кассиля о портах, в которые заходили корабли, о герое, проявленном нашими моряками во время перехода кораблей. После Л. Кассиля выступил С. Михалков, прочитавший несколько стихов из своего поэтического дневника.

В ЛЕКТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРКОМА ВКП(б)

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Лекторий Ленинградского горкома ВКП(б) организует цикл лекций: «Советская художественная литература и критика в современных условиях». Будет прочитано шесть лекций: «Ленин и Сталин о задачах художественной литературы», «Народность, идентичность и патриотизм русской литературы», «Великие традиции русской литературы современности», «Советская литература — самая передовая в мире», «Социалистический реализм в творчестве советских писателей» и «Задачи литературной критики». Лекции читают проф. А. Егорян, проф. Л. Плоткин, М. Лишин и В. Друзин.

</